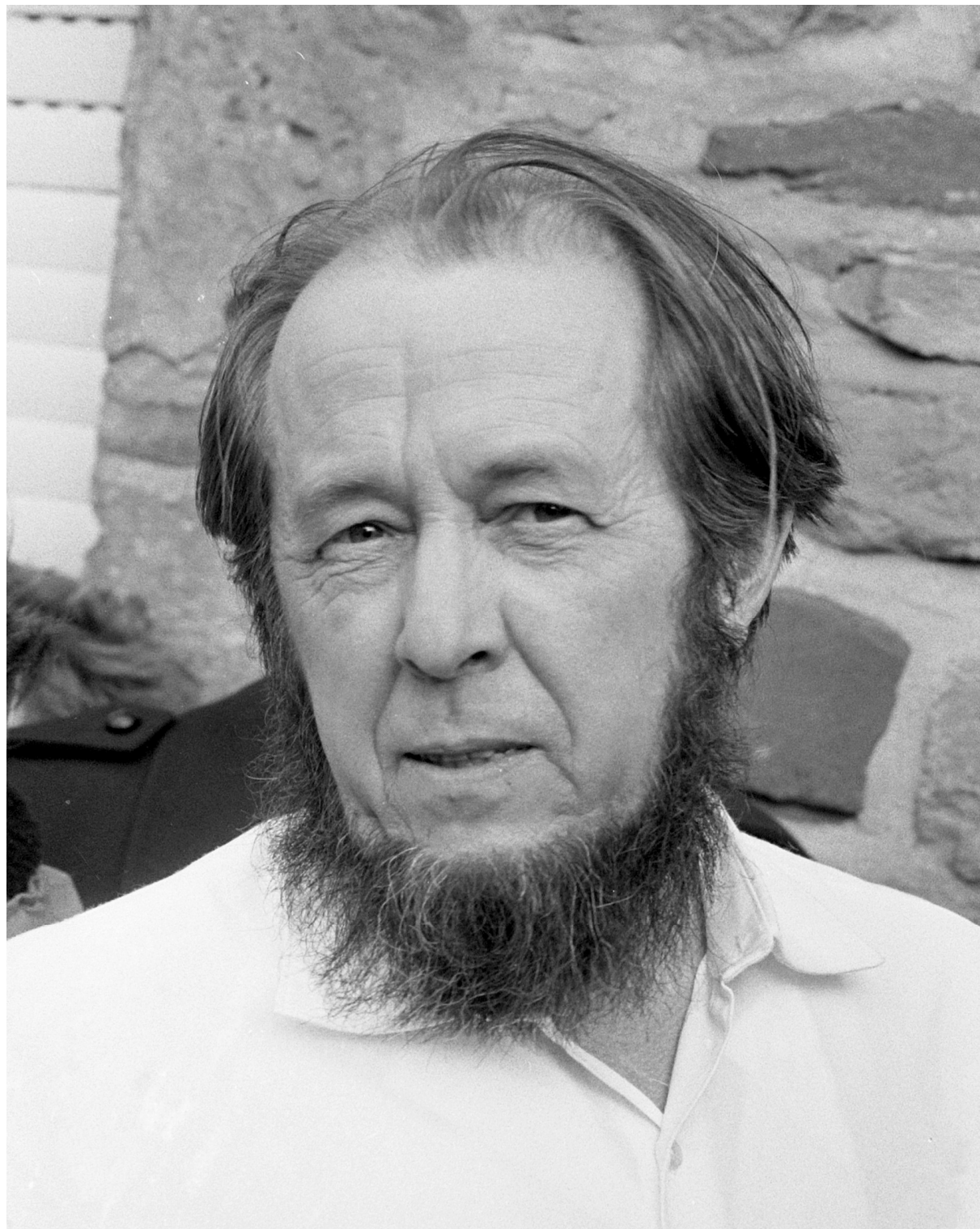

РЕЧЬ В ГАРВАРДЕ
на ассамблее выпускников университета

8 июня 1978

Я рад возможности приветствовать 327-й выпуск старейшего Гарвардского университета и сердечно поздравляю всех выпускников!

Девиз вашего университета— «Veritas». И некоторые из вас уже знают, а другие узнают на протяжении жизни, что Истина мгновенно ускользает, как только ослабится напряжённость нашего взора, — и при этом оставляет нас в иллюзии, что мы продолжаем ей следовать. От этого вспыхивают многие разногласия. И ещё: истина редко бывает сладкой, а почти всегда горькой. Этой горечи не избежать и в сегодняшней речи, — но я приношу её не как противник, но как друг.

Три года назад в Соединённых Штатах мне тоже пришлось говорить такое, от чего отталкивались, не хотели принять, — а сейчас согласились многие.

Расколотый мир

Солженицын, Александр Исаевич

Раскол сегодняшнего мира доступен даже поспешному взгляду. Любой наш современник легко различает две мировые силы, каждая из которых уже способна нацело уничтожить другую. Но понимание раскола часто и ограничивается этим политическим представлением: иллюзией, что опасность может быть устранена удачными дипломатическими переговорами или равновесием вооружённых сил. На самом деле мир расколот и глубже, и отчуждённей, и большим числом трещин, чем это видно первому взгляду, — и этот многообразный глубокий раскол грозит всем нам разнообразной же гибелью. По той древней истине, что не может стоять царство — вот, наша Земля, — разделившееся в себе.

Есть понятие «третий мир», и, значит, уже три мира. Но их несомненно больше, мы не доглядываем издалека. Всякая древняя устоявшаяся самостоятельная культура, да ещё широкая по земной поверхности, уже составляет самостоятельный мир, полный загадок и неожиданностей для западного мышления. Таковы по меньшему счёту Китай, Индия, Мусульманский мир и Африка, если два последние можно с приближением рассматривать собранно. Такова была тысячу лет Россия, — хотя западное мышление с систематической ошибкой отказывало ей в самостоятельности и потому никогда не понимало, как не понимает и сегодня в её коммунистическом плену. И если Япония в последние десятилетия всё более стала «дальним Западом», всё тесней примкнула к Западу (судить не берусь), то, например, Израиль я бы не отнёс к западному миру хотя бы по тому решающему обстоятельству, что его государственный строй принципиально связан с религией.

Как ещё сравнительно недавно маленький новоевропейский мирок легко захватывал колонии во всём мире, не только не предвидя серьёзного сопротивления, но обычно презирая какие-либо возможные ценности в мироощущении тех народов! Успех казался ошеломляющим, не знал географических границ. Западное общество развёртывалось как торжество человеческой независимости и могущества. И вдруг в XX веке так ясно обнаружилось, что оно хрупко и обрывчато. И теперь мы видим, каким коротким, шатким оказалось это завоевание (очевидно свидетельствуя и о пороках того западного мирознания, которое на эти завоевания вело). Сейчас соотношение с бывшим колониальным миром обратилось в свою противоположность, и западный мир нередко переходит к крайностям угодливости, — однако трудно прогнозировать, как ещё велик будет счёт этих бывших колониальных стран к Западу и

хватит ли ему откупиться, отдав не только последние колониальные земли, но даже всё своё достояние.

* * *

Всё же длящееся ослепление превосходства поддерживает представление, что всем обширным областям на нашей планете следует развиваться и доразвиться до нынешних западных систем, теоретически наивысших, практически наиболее привлекательных; что все те миры только временно удерживаются — злыми правителями, или тяжёлыми расстройствами, или варварством и непониманием — от того, чтоб устремиться по пути западной многопартийной демократии и перенять западный образ жизни. И страны оцениваются по тому, насколько они успели продвинуться этим путём. Но такое представление выросло, напротив, на западном непонимании сущности остальных миров, на том, что все они ошибочно измеряются западным измерительным прибором. Картина развития планеты мало похожа на это.

Тоска расколотого мира вызвала к жизни и теорию конвергенции между ведущим Западом и Советским Союзом — ласкательную теорию, пренебрегающую, что эти миры друг во друга нисколько не развиваются, и даже непревратимы друг во друга без насилия. А кроме того конвергенция неизбежно включает в себя принятие также и пороков противоположной стороны, что вряд ли кого устраивает.

Если бы сегодняшнюю речь я произносил в своей стране, я, в этой общей схеме раскола мира, сосредоточился бы на бедствиях Востока. Но поскольку я уже четыре года вынужденно нахожусь здесь и аудитория передо мною западная, — думаю, будет содержательней сосредоточиться на некоторых чертах современного Запада, как я их вижу.

Падение мужества — может быть самое разительное, что видно в сегодняшнем Западе постороннему взгляду. Западный мир потерял общественное мужество и весь в целом и даже отдельно по каждой стране, каждому правительству, каждой партии, и уж конечно — в Организации Объединённых Наций. Этот упадок мужества особенно сказывается в прослойках правящей и интеллектуально-ведущей, отчего и создаётся ощущение, что мужество потеряло целиком всё общество. Конечно, сохраняется множество индивидуально-мужественных людей, но не им доводится направлять жизнь общества. Политические и интеллектуальные функционеры выявляют этот упадок, безволие, потерянности в своих действиях, выступлениях и ещё более — в услужливых теоретических обоснованиях, почему такой образ действий, кладущий трусость и заискивание в основу государственной политики, — прагматичен, разумен и оправдан на любой интеллектуальной и даже нравственной высоте. Этот упадок мужества, местами доходящий как бы до полного отсутствия мужеского начала, ещё особо-иронически оттеняется при внезапных взрывах храбрости и непримиримости этих самых функционеров — против слабых правительств, или никем не поддержанных слабых стран, осуждённых течений, заведомо не могущих дать отпор. Но коснеет язык и парализуются руки против правительств могущественных, сил угрожающих, против агрессоров и против Интернационала Террора.

Напоминать ли, что падение мужества издревле считалось первым признаком конца?

Когда создавались современные западные государства, то провозглашался принцип: правительство должно служить человеку, а человек живёт на земле для того, чтобы иметь свободу и стремиться к счастью (смотри, например, американскую декларацию независимости). И вот наконец в последние десятилетия технический и социальный прогрессы дали осуществить ожидаемое: государство всеобщего благосостояния. Каждый гражданин получил желанную свободу и такое количество и качество физических благ, которые по теории должны были бы обеспечить его счастье — в том сниженном понимании, как в эти же десятилетия создалось. (Упущена лишь психологическая подробность: постоянное желание иметь ещё больше и лучше и напряжённая борьба за это запечатлеваются на многих западных лицах озабоченностью и даже угнетением, хотя выражения эти принято тщательно скрывать. Это активное напряжённое соревнование захватывает все мысли человека и вовсе не открывает свободного духовного развития.) Обеспечена независимость человека от многих видов государственного давления, обеспечен большинству комфорт, которого не могли представить отцы и деды, появилась возможность воспитывать в этих идеалах и молодёжь, звать и готовить её к физическому процветанию, счастью, владению вещами, деньгами, досугом, почти к неограниченной свободе наслаждений, — и кто же бы теперь, зачем, почему должен был бы ото всего этого оторваться и рисковать драгоценной своей жизнью в защите блага общего и особенно в том туманном случае, когда безопасность собственного народа надо защищать в далёкой пока стране? Даже биология знает, что привычка к высокоблагополучной жизни не является преимуществом для живого существа. Сегодня и в жизни западного общества благополучие стало приоткрывать свою губящую маску.

Соответственно своим целям западное общество избрало и наиболее удобную для себя форму существования, которую я назвал бы юридической. Границы прав и правоты человека (очень широкие) определяются системой законов. В этом юридическом стоянии, движении и лавировании западные люди приобрели большой навык и стойкость. (Впрочем, законы так сложны, что простой человек беспомощен действовать в них без специалиста.) Любой конфликт решается юридически — и это есть высшая форма решения. Если человек прав юридически, — ничего выше не требуется. После этого никто не может указать ему на неполную правоту и склонять к самоограничению, к отказу от своих прав, просить о какой-либо жертве, бескорыстном риске — это выглядело бы просто нелепо. Добровольного самоограничения почти не встретишь: все стремятся к экспансии, доколе уже хрустят юридические рамки. (Юридически безупречны нефтяные компании, покупая изобретение нового вида энергии, чтобы ему не действовать. Юридически безупречны отравители продуктов, удолжая их сохранность: публике остаётся свобода их не покупать.)

Всю жизнь проведя под коммунизмом, я скажу: ужасно то общество, в котором вовсе нет беспристрастных юридических весов. Но общество, в котором нет других весов, кроме юридических, тоже мало достойно человека. (*Аплодисменты.*) Общество, ставшее на почву закона, но не выше, — слабо использует высоту человеческих возможностей. Право слишком холодно и формально, чтобы влиять на общество благотворительно. Когда вся жизнь пронизана отношениями юридическими, — создаётся атмосфера душевной посредственности, омертвляющая лучшие взлёты человека. (*Апл.*)

Перед испытаниями же грозящего века удержаться одними юридическими подпорками будет просто невозможно.

В сегодняшнем западном обществе открылось неравновесие между свободой для добрых дел и свободой для дел худых. И государственный деятель, который хочет для своей страны провести крупное созидательное дело, вынужден двигаться осмотрительными, даже робкими шагами, он всё время облеплен тысячами поспешливых (и безответственных) критиков, его всё время одёргивает пресса и парламент. Ему нужно доказать высокую безупречность и оправданность каждого шага. По сути, человек выдающийся, великий, с необычными неожиданными мерами, проявиться вообще не может — ему в самом начале подставят десять подножек. Так под видом демократического ограничения торжествует посредственность.

Подрыв административной власти повсюду доступен и свободен, и все власти западных стран резко ослабли. Защита прав личности доведена до той крайности, что уже становится беззащитным само общество (*англ.*)... от иных личностей, — и на Западе пришла пора отстаивать уже не столько права людей, сколько их обязанности. (*Англ.*)

Напротив, свобода разрушительная, свобода безответственная получила самые широкие просторы. Общество оказалось слабо защищено от бездн человеческого падения, например от злоупотребления свободой для морального насилия над юношеством, вроде фильмов с порнографией, преступностью или бесовщиной (*англ.*): все они попали в область свободы и теоретически уравниваются свободой юношества их не воспринимать. Так юридическая жизнь оказалась не способна защитить себя от разъедающего зла.

Что же говорить о тёмных просторах прямой преступности? Широта юридических рамок (особенно американских) поощряет не только свободу личности, но и некоторые преступления её, даёт преступнику возможность остаться безнаказанным или получить незаслуженное снисхождение — при поддержке тысячи общественных защитников. Если где власти берутся строго искоренять терроризм, то общественность тут же обвиняет их, что они нарушили гражданские права бандитов. (*Англ.*) Немало подобных примеров.

Весь этот переклон свободы в сторону зла создавался постепенно, но первичная основа ему, очевидно, была положена гуманистическим человеколюбивым представлением, что человек, хозяин этого мира, не несёт в себе внутреннего зла, все пороки жизни происходят лишь от неверных социальных систем, которые и должны быть исправлены. Странно, вот на Западе достигнуты наилучшие социальные условия, — а преступность несомненно велика и значительно больше, чем в нищем и незаконном советском обществе. (Под именем уголовных у нас там сидит в лагерях огромное множество людей, но подавляющее их большинство — не преступники, а те, кто против незаконного государства отстаивали себя неюридическими способами.)

Широчайшей свободой естественно пользуется и пресса (я употребляю дальше это слово, включая всю media). Но — как?

Опять: лишь бы не перешагнуть юридические рамки, но безо всякой подлинной нравственной ответственности за искажение, за смещение пропорций. Какая у журналиста и газеты ответственность перед читающей публикой или перед историей?

Если они неверной информацией или неверными заключениями повели общественное мнение по неверному пути, даже способствовали государственным ошибкам, — известны ли случаи публичного потом раскаяния этого журналиста или этой газеты? Нет, это подорвало бы продажу. На подобном случае может потерять государство, но журналист всегда выходит сух. Скорее всего он будет теперь с новым апломбом писать противоположное прежнему.

Необходимость дать мгновенную авторитетную информацию заставляет заполнять пустоты догадками, собирая слухи и предположения, которые потом никогда не опровергнутся, но осядут в памяти масс. Сколько поспешных, опрометчивых, незрелых, заблудительных суждений высказывается ежедневно, заморочивает мозги читателей — и так застывает! (*Апл.*) Пресса имеет возможность и симулировать общественное мнение и воспитать его извращённо. То создаётся геростратова слава террористам, то раскрываются даже оборонные тайны своей страны, то беззастенчиво вмешиваются в личную жизнь известных лиц под лозунгом: «все имеют право всё знать». (*Апл.*) (Ложный лозунг ложного века: много выше утерянное право людей *не знать*, не забивать своей божественной души — сплетнями, суесловием, праздной чепухой. (*Апл.*) Люди истинного труда и содержательной жизни совсем не нуждаются в этом избыточном отягощающем потоке информации.)

Поверхностность и поспешность — психическая болезнь XX века — более всего и выражена в прессе. Прессе противопоказано войти в глубину проблемы, это не в природе её, она лишь выхватывает сенсационные формулировки.

И при всех этих качествах пресса стала первой силой западных государств, превосходя силу исполнительной власти, законодательной и судебной. А между тем: по какому избирательному закону она избрана и перед кем отчитывается? Если на коммунистическом Востоке журналист откровенно назначается как государственный чиновник, то кто выбирал западных журналистов в их состояние власти? на какой срок и с какими полномочиями?

И ещё одна неожиданность для человека, пришедшего с тоталитарного Востока, с его строгой унификацией прессы: у западной прессы в целом тоже обнаруживается общее направление симпатий (ветер века), общепризнанные допустимые границы суждений, а может быть и общекорпоративные интересы, и всё это вместе действует не соревновательно, а унифицированно. Безудержная свобода существует для самой прессы, но не для читателей (*апл.*): достаточно выпукло и звучно газеты передают только те мнения, которые не слишком противоречат их собственным и этому общему направлению.

Безо всякой цензуры на Западе осуществляется придирчивый отбор мыслей модных от мыслей немодных — и последние, хотя никем не запрещены, не имеют реального пути ни в периодической прессе, ни через книги, ни с университетских кафедр. (*Апл.*) Дух ваших исследователей свободен юридически — но обставлен идолами сегодняшней моды. Не прямым насилием, как на Востоке, но этим отбором моды, необходимостью угождать массовым стандартам устраняются от вклада в общественную жизнь наиболее самостоятельно думающие личности, появляются опасные черты стадности, закрывающей эффективное развитие. В Америке мне приходилось получать письма замечательно умных людей, какого-нибудь профессора дальнего провинциального колледжа, который много способствовал бы освежению и спасению своей страны, —

но страна не может его услышать: его не подхватит media. Так создаются сильные массовые предубеждения, слепота, опасная в наш динамичный век. Например, иллюзорное понимание современного мирового положения — такой окаменелый панцирь вокруг голов, что через него уже не проникает ничей человеческий голос из 17 стран Восточной Европы и Восточной Азии, — а только проломит его неизбежный лом событий.

Я перечислил несколько черт западной жизни, которые поражают человека, пришедшего в этот мир понову. Размеры и задачи этой речи не позволяют продолжить обзор: как эти особенности западного общества отражаются на таких важных сторонах национального существования, как образование начальное, образование высшее гуманитарное и искусство.

* * *

Почти все признают, что Запад указывает всему миру выгодный экономический путь развития, последнее время сбиваемый, правда, хаотической инфляцией. Но и многие живущие на Западе недовольны своим обществом, презирают его или упрекают, что оно уже не соответствует уровню, к которому созрело человечество. И многих это заставляет колебнуться в сторону ложного и опасного течения социализма.

Я надеюсь, никто из присутствующих не заподозрит, что я провёл эту частную критику западной системы для того, чтобы выдвинуть взамен идею социализма. (Апл.) Нет, с опытом страны осуществлённого социализма я во всяком случае не предложу социалистическую альтернативу. Что социализм всякий вообще и во всех оттенках ведёт ко всеобщему уничтожению духовной сущности человека и нивелированию человечества в смерть, — глубоким историческим анализом показал математик академик Шафаревич в своей блестяще аргументированной книге «Социализм»; скоро два года, как она опубликована во Франции, — но ещё никто не нашёлся ответить на неё. В близком времени она будет опубликована и в Америке.

Но если меня спросят, напротив: хочу ли я предложить своей стране в качестве образца сегодняшний Запад, как он есть, я должен буду откровенно ответить: нет, ваше общество я не мог бы рекомендовать как идеал для преобразования нашего. Для того богатого душевного развития, которое уже выстрадано нашей страной в этом веке, — западная система в её нынешнем, духовно-истощённом виде не представляется заманчивой. Даже перечисленные особенности вашей жизни приводят в крайнее огорчение.

Несомненный факт: расслабление человеческих характеров на Западе и укрепление их на Востоке. За шесть десятилетий наш народ, за три десятилетия — народы Восточной Европы прошли душевную школу, намного опережающую западный опыт. Сложно и смертно давящая жизнь выработала характеры более сильные, более глубокие и интересные, чем благополучная регламентированная жизнь Запада. Поэтому для нашего общества обращение в ваше означало бы в чём повышение, а в чём и понижение, — и в очень дорогом. Да, невозможно оставаться обществу в такой бездне беззакония, как у нас, но и ничтожно ему оставаться на такой бездушной юридической гладкости, как у вас. Душа человека, истрадавшаяся под десятилетиями насилия, тянется к чему-то более высокому, более тёпловому, более чистому, чем может предложить нам сегодняшнее западное массовое существование, как визитной

карточкой предпосылаемое отвратным напором реклам, одурением телевидения и непереносимой музыкой. (Апл.)

И это всё видно глазам многих наблюдателей, из всех миров нашей планеты. Западный образ существования всё менее имеет перспективу стать ведущим образцом.

Бывают симптоматичные предупреждения, которые посылает история угрожаемому или гибнущему обществу: например, падение искусств или отсутствие великих государственных деятелей. Иногда предупреждения бывают и совсем ощутимыми, вполне прямыми: центр вашей демократии и культуры на несколько часов остаётся без электричества — всего-то, — и сразу целые толпы американских граждан бросаются грабить и насиловать. Такова толщина плёнки! Такова непрочность общественного строя и отсутствие внутреннего здоровья в нём.

Не когда-то наступит, а уже идёт — физическая, духовная, космическая! — борьба за нашу планету. В своё решающее наступление уже идёт и давит мировое Зло, — а ваши экраны и печатные издания наполнены обязательными улыбками и поднятыми бокалами. В радость — чему?

Ваши весьма видные деятели, как Джордж Кеннан, говорят: вступая в область большой политики, мы уже не можем пользоваться моральными указателями. Вот так, смешением добра и зла, правоты и неправоты, лучше всего и подготавливается почва для абсолютного торжества абсолютного Зла в мире. Против мировой, хорошо продуманной стратегии коммунизма Западу только и могут помочь нравственные указатели, — а других нет (апл.)... а соображения любой конъюнктуры всегда рухнут перед стратегией. Юридическое мышление с какого-то уровня проблем каменит: оно не даёт видеть ни размера, ни смысла событий.

Несмотря на множественность информации — или отчасти именно благодаря ей, — западный мир весьма слабо ориентируется в происходящей действительности. Таковы, например, были анекдотические предсказания некоторых американских экспертов, что Советский Союз найдёт себе в Анголе свой Вьетнам или что наглые африканские экспедиции Кубы лучше всего умерятся ухаживанием за ней Соединённых Штатов. (Апл.) Таковы ж и советы Кеннана своей стране — приступить к одностороннему разоружению. О, знали бы вы, как хохочут над вашими политическими мудрецами самые молоденькие референты Старой Площади!^[1] (Апл.) А уж Фидель Кастро откровенно считает Соединённые Штаты ничтожеством, если, находясь тут рядом, осмеливается бросать свои войска на дальние авантюры.

Но самый жестокий промах произошёл с непониманием вьетнамской войны. Одни искренне хотели, чтоб только скорей прекратилась всякая война, другие мнили, что надо дать простор национальному или коммунистическому самоопределению Вьетнама (или, как особенно наглядно видно сегодня, — Камбоджи). А на самом деле участники американского антивоенного движения оказались соучастниками предательства дальневосточных народов — того геноцида и страданий, которые сегодня там сотрясают 30 миллионов человек. Но эти стоны — слышат ли теперь принципиальные пацифисты? (апл.)... сознают ли сегодня свою ответственность? или предпочитают не слышать? У американского образованного общества сдали нервы, — а в результате угроза сильно приблизилась к самим Соединённым Штатам. Но это не сознаётся. Ваш недалёковидный политик, подписавший поспешную вьетнамскую капитуляцию, дал

Америке вытянуться как будто в беззаботную передышку, — но вот уже усотерённый Вьетнам вырастает перед вами. Маленький Вьетнам был послан вам предупреждением и поводом мобилизовать своё мужество. Но если полновесная Америка потерпела полноценное поражение даже от маленькой коммунистической полу-страны, — то на какое устояние Запад может рассчитывать в будущем?

Мне пришлось уже говорить, что в XX веке западная демократия самостоятельно не выиграла ни одной большой войны: каждый раз она загораживалась сильным сухопутным союзником, не придираясь к его мировоззрению. Так во Второй мировой войне против Гитлера, вместо того чтобы выиграть войну собственными силами, которых было, конечно, достаточно, — вырастили себе горшего и сильнеешего врага, ибо никогда Гитлер не имел ни столько ресурсов, ни столько людей, ни пробивных идей, ни столько своих сторонников в западном мире, пятую колонну, как Советский Союз. А ныне на Западе уже раздаются голоса: как бы ещё в одном мировом конфликте заслониться против силы — чужою силой, загородиться теперь — Китаем. Однако никому в мире не пожелаю такого исхода: не говоря, что это — опять роковой союз со Злом, это дало бы Америке лишь некоторую оттяжку, но затем, когда миллиардный Китай обернулся бы с американским оружием, — сама Америка была бы отдана нынешнему камбоджийскому геноциду.

Но и никакое величайшее вооружение не поможет Западу, пока он не преодолеет потерянности своей воли. При такой душевной расслабленности самое это вооружение становится отягощением капитулянту. Для обороны нужна и готовность умереть, а её мало в обществе, воспитанном на культе земного благополучия. (Апл.) И тогда остаются только уступки, оттяжки и предательства. В позорном Белграде свободные западные дипломаты в слабости уступили тот рубеж, на котором подгнётные члены хельсинкской группы отдают свои жизни.

Западное мышление стало консервативным: только бы сохранялось мировое положение, как оно есть, только бы ничто не менялось. Расслабляющая мечта о статус-кво — признак общества, закончившего своё развитие. Но надо быть слепым, чтобы не видеть, как перестали принадлежать Западу океаны и всё стягивается под ним территория земной суши. Две так называемых мировых — а совсем ещё не мировых — войны состояли в том, что маленький прогрессивный Запад внутри себя уничтожал сам себя и тем подготовил свой конец. Следующая война — не обязательно атомная, я в неё не верю, — может похоронить западную цивилизацию окончательно.

И перед лицом этой опасности — как же, с такими историческими ценностями за спиной, с таким уровнем достигнутой свободы и как будто преданности ей, — настолько потерять волю к защите?!

Как сложилось нынешнее невыгодное соотношение? От своего триумфального шествия — каким образом западный мир впал в такую немощь? Были в его развитии губительные переломы, потеря взятого курса? Да как будто нет. Запад только прогрессировал и прогрессировал в объявленном направлении, об руку с блистательным техническим Прогрессом. И вдруг оказался в нынешней слабости.

И тогда остаётся искать ошибку в самом корне, в основе мышления Нового Времени. Я имею в виду то господствующее на Западе мирознание, которое родилось в Возрождение, а в политические формы отлилось с эпохи Просвещения, легло в основу всех государственных и общественных наук и может быть названо рационалистическим гуманизмом либо гуманистической автономностью — провозглашённой и проводимой автономностью человека от всякой высшей над ним силы. Либо, иначе, антропоцентризмом — представлением о человеке как о центре существующего.

Сам по себе поворот Возрождения был, очевидно, исторически неизбежен: Средние Века исчерпали себя, стали невыносимы деспотическим подавлением физической природы человека в пользу духовной. Но и мы отринулись из Духа в Материю — несоразмерно, непомерно. Гуманистическое сознание, заявившее себя нашим руководителем, не признало в человеке внутреннего зла, не признало за человеком иных задач выше земного счастья и положило в основу современной западной цивилизации опасный уклон преклонения перед человеком и его материальными потребностями. За пределами физического благополучия и накопления материальных благ все другие, более тонкие и высокие, особенности и потребности человека остались вне внимания государственных устройств и социальных систем, как если бы человек не имел более высокого смысла жизни. Так и оставлены были сквозняки для зла, которые сегодня и продувают свободно. Сама по себе обнажённая свобода никак не решает всех проблем человеческого существования, а во множестве ставит новые.

Но всё же в ранних демократиях, также и в американской при её рождении, все права признавались за личностью лишь как за Божьим творением, то есть свобода вручалась личности условно, в предположении её постоянной религиозной ответственности, — таково было наследие предыдущего тысячелетия. Ещё 200 лет назад в Америке, да даже и 50 лет назад, казалось невозможным, чтобы человек получил необузданную свободу — просто так, для своих страстей. Однако с тех пор во всех западных странах это ограничение выветрилось, произошло окончательное освобождение от морального наследия христианских веков с их большими запасами то милости, то жертвы, и государственные системы принимали всё более законченный материалистический вид. Запад наконец отстоял права человека, и даже с избытком, — но совсем поблекло сознание ответственности человека перед Богом и обществом. В самые последние десятилетия этот юридический эгоизм западного мироощущения окончательно достигнут — и мир оказался в жестоком духовном кризисе и политическом тупике. И все технические достижения прославленного Прогресса, вместе и с Космосом, не искупили той моральной нищеты, в которую впал XX век и которую нельзя было предположить, глядя даже из XIX-го.

Чем более гуманизм в своём развитии материализовался, тем больше давал он оснований спекулировать собою — социализму, а затем и коммунизму. Так что Карл Маркс мог выразиться (1844): «коммунизм есть натурализованный гуманизм».

И это оказалось не совсем лишено смысла: в основаниях выветренного гуманизма и всякого социализма можно разглядеть общие камни: бескрайний материализм; свободу от религии и религиозной ответственности (при коммунизме доводимую до антирелигиозной диктатуры); сосредоточенность на социальном построении и

научнообразность в этом (Просвещение XVIII века и марксизм). Не случайно все словесные клятвы коммунизма — вокруг человека с большой буквы и его земного счастья. Как будто уродливое сопоставление — общие черты в мирознании и строе жизни нынешнего Запада и нынешнего Востока! — но такова логика развития материализма.

Причём в этом соотношении родства закон таков, что всегда оказывается сильнее, привлекательнее и победоноснее то течение материализма, которое левей и, значит, последовательнее. И гуманизм, вполне потерявший христианское наследие, не способен выстоять в этом соревновании. Так в течение минувших веков и особенно последних десятилетий, когда процесс обострился, в мировом соотношении сил: либерализм неизбежно теснился радикализмом, тот был вынужден уступать социализму, а социализм не уступал против коммунизма. Именно потому коммунистический строй мог так устоять и укрепиться на Востоке, что его рьяно поддерживали (ощущая с ним родство!) буквально массы западной интеллигенции, не замечали его злодейств, а уж когда нельзя было не заметить — оправдывали их. Так и сегодня: у нас на Востоке коммунизм идеологически потерял всё, он упал уже до ноля, и ниже ноля, западная же интеллигенция в значительной степени чувствительна к нему, сохраняет симпатию, — и это-то делает для Запада такой безмерно трудной задачу устояния против Востока.

Я не разбираю случая всемирной военной катастрофы из тех изменений общества, которые она бы вызвала. Но, пока мы ежедневно пробуждаемся под спокойным солнцем, мы обязаны вести и ежедневную жизнь. А есть катастрофа, которая наступила уже изрядно: это — катастрофа гуманистического автономного безрелигиозного сознания.

Мерю всех вещей на Земле оно поставило человека — несовершенного человека, никогда не свободного от самолюбия, корыстолюбия, зависти, тщеславия и десятков других пороков. И вот ошибки, не оцененные в начале пути, теперь мстят за себя. Путь, пройденный от Возрождения, обогатил нас опытом, но мы потеряли то Целое, Высшее, когда-то полагавшее предел нашим страстям и безответственности. Слишком много надежд мы отдали политико-социальным преобразованиям, — а оказалось, что у нас отбирают самое драгоценное, что у нас есть: нашу внутреннюю жизнь. На Востоке её вытаскивает партийный базар, на Западе коммерческий. (Апл.) Вот каков кризис: не то даже страшно, что мир расколот, но что у главных расколотых частей его — сходная болезнь.

Если бы, как декларировал гуманизм, человек был рождён только для счастья, — он не был бы рождён и для смерти. Но оттого, что он телесно обречён смерти, его земная задача, очевидно, духовней: не захлёб повседневностью, не наилучшие способы добывания благ, а потом весёлого проживания их, но несение постоянного и трудного долга, так что весь жизненный путь становится опытом главным образом нравственного возвышения (апл.): покинуть жизнь существом более высоким, чем начинал её. Неизбежно пересмотреть шкалу распространённых человеческих ценностей и изумиться неправильности её сегодня. Невозможно, чтоб оценка деятельности президента сводилась бы к тому, какова твоя заработная плата и не ограничен ли в продаже бензин. (Апл.) Только добровольное воспитание в самих себе светлого самоограничения возвышает людей над материальным потоком мира. Держаться

сегодня за окостеневшие формулы эпохи Просвещения — ретроградство. Эта социальная догматика оставляет нас беспомощными в испытаниях нынешнего века.

Если и минет нас военная гибель, то неизбежно наша жизнь не останется теперешней, чтоб не погибнуть сама по себе. Нам не избежать пересмотреть фундаментальные определения человеческой жизни и человеческого общества: действительно ли превыше всего человек и нет над ним Высшего Духа? верно ли, что жизнь человека и деятельность общества должны более всего определяться материальной экспансией? допустимо ли развивать её в ущерб нашей целостной внутренней жизни?

Если не к гибели, то мир подошёл сейчас к повороту истории, по значению равному повороту от Средних Веков к Возрождению, — и потребует от нас духовной вспышки, подъёма на новую высоту обзора, на новый уровень жизни, где не будет, как в Средние Века, предана проклятию наша физическая природа, но и тем более не будет, как в Новейшее время, растоптана наша духовная. (Апл.)

Этот подъём подобен восхождению на следующую антропологическую ступень. И ни у кого на Земле не осталось другого выхода, как — вверх. (Аплодисменты.)

[\[1\]](#) Старая Площадь — резиденция ЦК КПСС.

PŘEDNÁŠKA NA HARVARDU

na shhromáždění absolventů university

8. června 1978

Jsem opravdu rád, že tu mohu být s vámi a být osobně přijat touto slavnou a nejprestižnější universitou. Blahopřeji vám a přeji všechno nejlepší všem dnešním posluchačům.

Motto Harvardu je „Veritas“. Mnoho z vás již zjistilo a další zjistí v průběhu života, že pravda nám unikne, pokud se s totální pozorností nezaměříme na její získání. A i když nám unikne, stále máme ilusi, že ji známe, a to nás vede k mnoha nepochopením. Navíc pravda je zřídka příjemná; je skoro vždy hořká. Také v mé dnešní přednášce je jakási hořkost. Ale zdůrazňuji, že ta nepochází z odporu k příteli.

Před třemi roky jsem ve Spojených státech řekl určité věci, které se tehdy zdály nepřijatelné. Dnes však mnoho lidí souhlasí s tím, co jsem tehdy řekl ...

Rozdělený svět

Alexandr Isajevič Solženicyn

Rozkol našeho světa je zřejmý i pro docela letmý pohled. Každý z našich současníků snadno ve světě rozlišuje dvě síly, schopné se navzájem zničit. Mnozí však zůstávají u toho politického vyjádření a kojí se ilusemi, že toto nebezpečí se možná podaří zažehnat diplomatickými kontakty nebo rovnováhou sil. Ve skutečnosti v našem světě zejí trhliny daleko hlubší, širší a početnější, než by se na první pohled zdálo, a toto hluboké a mnohostranné rozbití znamená pro nás v mnoha ohledech smrtelná nebezpečí. Jak říká stará pravda, že každé království proti sobě rozdělené – a to je dnes naše země – zahyne.

Současný svět

Protože existuje „třetí svět“, máme světy nejméně tři. Ale určitě je jich ještě víc, špatně je rozeznáváme, protože jsou příliš vzdáleny. Každá původní kultura, dávno zavedená a rozšířená po zemském povrchu, už tvoří svůj svět, plný tajemství a překvapení pro evropské myšlení. To je případ Číny, Indie a celku muslimsko-afrického, můžeme-li tento svět vůbec aspoň zhruba shrnout do jednoho. To byl po tisíciletí i případ Ruska, i když evropské myšlení vytrvale popíralo jeho originalitu a proto mu nikdy neporozumělo a nerozumí mu ani nes, v době komunistické vlády. A platí-li dnes, že se Japonsko za poslední desetiletí stalo „dálným Západem“, protože se stále těsněji přimyká k Západu (sám to těžko mohu posoudit) a myslím, že naopak Israel vykazuje aspoň jeden rozhodující rys, který jej od Západu rozhodně odděluje – totiž politický režim hluboce svázaný s náboženstvím.

Ještě v poměrně nedávné době se malý svět Evropy snadno dělil o kolonie po celém světě, nejen bez obav, že by mohl narazit na vážnější odpor, ale v celku s hlubokým pohrdáním všemi hodnotami, které pohled porobených národů na svět možná obsahoval. Úspěch se zdál být závrtný, zeměpisné hranice přestaly existovat. Rozvoj západní společnosti byl triumfem nezávislosti člověka a jeho moci. A tu jsme náhle ve 20. století uviděli – a jak zřetelně – že tato společnost je křehká a zbudována nad propastí. Dnes zjišťujeme, jak krátký a nestálý to byl vývoj, což patrně ukazuje, že i pojetí světa, z něhož vyrostl, bylo vadné. V současné době se vztahy mateřských zemí a jejich kolonií obrátily a západní svět často upadá do opačného extrému servilní úslužnosti. Stejně je však těžko odhadovat, na jakou částku bude znít účet, který bývalé kolonie předloží a zda jej Západ někdy splatí, i když se vzdá posledního koloniálního území a ještě přidá poslední svůj majetek.

Konvergence

Hluboko zakořeněná zaslepenost – pocit pomyslné nadřazenosti – udržuje myšlenku, že všechny velké státy naší planety musejí procházet vývojem, který je přivede do stavu současných západních systémů, teoreticky těch nejlepších, prakticky nejvíc přitažlivých. Že všem ostatním světům jen dočasně něco brání – zlá vláda, těžké vnitřní zmatky, barbarství a nechápavost – v tom, aby se vyšvihly na cestu západní demokracie mnoha stran a přijaly západní způsob života. A každý stát je posuzován podle toho, jak daleko dospěl na této cestě. Ve skutečnosti však toto pojetí vzniklo ze západního nepochopení ostatních světů, které jsou neprávem poměřovány západním loktem. Skutečný obraz vývoje naší planety se mu málo podobá.

Z tísnivého pocitu nad rozbitým světem vznikla i teorie konvergence (sbíhání) pokročilejšího Západu a Sovětského svazu, lichotivá konstrukce, která přehlíží jen to, že vývoj těchto dvou světů rozhodně nemíří ke spojení a že proměna jednoho po vzoru druhého bez použití násilí není možná. Navíc konvergence nutně znamená, že každá strana přejímá i vady té druhé, což by nikomu neprospělo.

Kdybych dnes mluvil o své zemi, soustředil bych svou pozornost v celkovém rámci rozbitého světa na neštěstí Východu, protože však už čtyři roky musím žít zde a protože mám před sebou západní posluchačstvo, bude užitečnější, když tu představím některé rysy současného Západu tak, jak je vidím.

Úpadek odvahy

Co snad nejvíce cizince na dnešním Západě bije do očí: Občanská statečnost vymizela nejen ze západního světa jako celku, ale neprojevuje ji ani žádný z jeho států, žádá vláda, žádná strana a ovšem ani OSN. Tento úpadek odvahy je zvláště patrný na jeho řídicí vrstvě a na vrstvě inteligence, takže vzniká dojem, jako by odvaha zmizela ze společnosti vůbec. Jistě, je tu ještě mnoho individuální odvahy, ale to nejsou lidé, kteří by udávali směr života společnosti. Politici i intelektuální činitelé vykazují známky úpadku, slabost, nerozhodnost činů, slov a ještě více teoretických úvah, v nichž ochotně nabízejí důkazy, že tento způsob jednání, zakládající politiku určitého státu na zbabělosti a servilnosti, je pragmatický, racionální a oprávněný, a to na kterékoliv intelektuální a mravní úrovni. Tento úpadek odvahy, který tu a tam vede k naprosté ztrátě jakékoliv mužnosti, je ještě se zvláštní ironií podtrhován tam, kde titíž činitelé projevili nečekané návaly statečnosti, mužnosti a neústupnosti – vůči vládám bez moci, vůči slabým státům, které nikdo nepodporuje, a vůči proudům, které všichni odsuzují a které zjevně nikomu nemohou ublížit. Zato jim slova zmrzají v ústech a ruce klesají před každou mocnou vládou či hroživou silou, před agresorem a před internacionálním terorismem.

Je třeba připomínat, že úpadek odvahy se vždy považoval za předzvěst konce?

Pohodlí

Západní státy při svém ustavení vyhlásily následující princip: Vláda má sloužit člověku a člověk žije na této zemi, aby užíval svobody a hledal štěstí (viz např. Deklarace nezávislosti Spojených států). Během posledních desetiletí technický s společenský pokrok konečně umožnil uskutečnění tohoto snu: stát, který zajišťuje obecný blahobyt. Každý občan dostal vytouženou svobodu a s ní takové množství a takový výběr hmotných statků, jaké mu měly zajistit štěstí – přinejmenším podle té laciné koncepce, která se v té době vytvořila. Zanedbal se jen malý psychologický detail – neměnná touha mít stále víc a stále lepší, a tvrdý zápas, který je jejím důsledkem, vtiskuje do mnohých západních tváří známky starosti a dokonce ustaranosti, přestože koncepce velí podobné věci co nejpečlivěji skrývat.

Tato aktivní a tvrdá konkurence mobilizuje všechny myšlenky člověka a rozhodně neprospívá jeho svobodnému duchovnímu rozvoji. Každému je zajištěna nezávislost vůči různým formám státního nátlaku, většina žije v pohodlí, o kterém se našim otcům a dědům ani nesnilo, teď lze vychovávat mládež v duchu nových myšlenek, vést ji k tělesnému rozvoji a ke štěstí, připravovat ji na to, že bude mít věci, peníze, volno, navykat ji téměř na neomezenou svobodu užívání. Řekněte sami, ve jménu čeho?! Sud'te sami, proč by si měl tohle všechno někdo odpírat a dávat v sázku svůj drahocenný život na obranu obecného dobra, zvláště v takových mlhavých případech, kdy by měl jít bojovat za bezpečnost svého národa nebo dokonce nějaké vzdálené země?

Už obyčejná biologie ví, že pro živočicha není dobré, aby si zvykl na přílišný blahobyt. V životě západní společnosti začíná dnes blahobyt odkrývat svou zhoubnou masku.

Život tvořený zákony

V souladu se svými cíli si západní společnost vyvolila formu existence, která pro ni byla nejvhodnější a kterou bych označil jako právní. Široké hranice práv a právo každého člověka jsou vymezeny soustavou zákonů. Západní člověk se jich stále drží, pohybuje se a kličkuje mezi nimi, takže zachovává značnou právní zručnost a vytrvalost. Zákony jsou

ovšem tak složité, že se v nich prostý občan nemůže vyznat bez pomoci odborníka. Každý spor se řeší cestou práva a toto řešení je konečné. Je-li člověk z právního hlediska v právu, nikdo od něho nemůže chtít víc. Říkejte mu potom, že nemá úplně pravdu, kdyby měl omezovat své požadavky a zříkat se toho, co mu po právu patří, chtějte po něm, aby dobrovolně něco obětoval, aby podstoupil nějaké riziko – budete vypadat jako naprostý pitomec. Dobrovolné omezování sebe se skoro nevyskytuje, všichni se věnují seberozpínání, až z právních rámců začíná vycházet tichý praskot. Petrolejářské společnosti se nedá právně nic vytknout, když koupí patent na novou formu energie, aby mohla vynález stopit. Nic se nedá vytknout těm, kdo otravují potraviny, aby déle vydržely: občané je musí kupovat.

Celý život jsem prožil v komunismu a tvrdím, že společnost, kde neexistuje nestranná právní instance, je hrozná věc. Ale ani společnost, která má na všechno jen a jen právní instanci, není opravdu důstojná člověka. Společnost, která se zabydlila v oblasti zákonů a výše jít nechce, málo využívá vyšších schopností člověka. Právo je příliš chladné a formální, než aby mohlo mít na společnost blahodárný vliv. Když je celý život proniknut právními vztahy, vytváří se ovzduší mravní prostřednosti, které otravuje ty nejlepší podněty v člověku.

Právní berly nemohou stačit, aby ve zkouškách, které ohrožují toto století, lidé obstáli zpříma.

Směry svobody

V dnešní západní společnosti lze konstatovat nerovnováhu mezi svobodou dělat dobré a dělat zlé. Politik, který chce v zájmu své země udělat významný tvůrčí čin, musí postupovat opatrnými až bázlivými krůčky pod přívalem tisíců ukvapených a neodpovědných kritik, stále obviňován v tisku i v parlamentě. Musí zdůvodňovat každý krok a prokazovat jeho absolutní správnost. Je prakticky vyloučeno, aby člověk, který vyniká nad průměr, velký člověk který chce udělat něco velikého a nečekaného, mohl někdy ukázat, co dokáže. Jen začne, desetkrát mu podrazí nohy. Tak se pod záminkou demokratické kontroly zajišťuje vítězství prostřednosti.

Na všech stranách lze svobodně a snadno podkopávat autoritu odpovědného vedení a ve všech západních státech je státní moc značně oslabena. Obrana práv jedince je dovedena do takové krajnosti, že společnost sama je bezradná vůči některým ze svých členů. Pro Západ je už na čase, aby začal zdůrazňovat víc lidské povinnosti než lidská práva.

Ve srovnání se svobodou dělat dobré – má svoboda destruktivní a nezodpovědná daleko širší pole působnosti. Ukazuje se, jak málo je společnost chráněna před propastmi lidského úpadku, např. před zneužíváním svobody k páchaní mravního násilí na mládeži – teoretickým protějškem svobody nabízet filmy plné pornografie, zločinu a satanismu, je svoboda mládeže na takové filmy nechodit. Tak se ukazuje, že život, pojatý právně se sám nedokáže bránit proti zlu a nechává se pozvolna nahlodávat.

A co ty temné oblasti, ke se odehrává vlastní zločinnost? Velký počet právníků, zejména v Americe, znamená pro jednotlivce nejenom pobídka, aby využil své svobody, ale také aby páchal určité zločiny, neboť mu nabízejí možnost uniknout potrestání nebo těžit z nezasloužené shovívavosti vinou podpory tisíců hlasů, které se ho zastanou. A když v některé zemi státní moc začne potlačovat terorismus, veřejné mínění ji ihned obviní z pošlapávání práv zločinců. Podobných případů bych mohl uvést až až.

Svoboda se ke zlému nezvrhla najednou, byl to postupný vývoj, ale zdá se, že jeho výchozím bodem bylo blahovolné humanistické pojetí člověka, pána světa, který v sobě nenese žádný zárodek zla, takže všechny zvrácenosti naší existence jsou plodem špatných společenských systémů, které je třeba zlepšit. A hledme: Západ se svými nejlepšími společenskými podmínkami má nepochybně vysokou zločinnost, dokonce vyšší než sovětská se vši bídou a nezákonností. (V našich táborech je nesmírné množství vězňů, označovaných za kriminální zločince, ale u většiny z nich se nejedná o zločince, nýbrž o lidi, kteří se neprávními prostředky pokoušeli bránit proti státu, který nezná zákony.)

Směřování tisku

Tisk – a říkám-li tisk, míním tím hromadné sdělovací prostředky vůbec – se přirozeně také těší té nejširší svobodě. Ale k čemu ji používá: Známým způsobem si dává pozor, aby nepřekročil zákonný rámec, ale překrucuje skutečnosti a zkresluje proporce bez jakékoliv skutečné mravní odpovědnosti. Jsou novinář a jeho noviny skutečně odpovědní svým čtenářům nebo dějinám? Když někdy nesprávnými informacemi nebo mylnými závěry uvede v omyl mínění, nebo svede celý svět k mylnému kroku.

Stalo se už někdy, aby některý veřejně vyznal svoji vinu? Ovšemže ne, protože to by škodilo prodeji. V takových případech to odnese stát, novinář se z toho vždy dostane, a můžete se vsadit, že bude se stejnou sebejistotou psát opak toho, co tvrdil dříve.

Potřeba podávat zaručené informace nutí zaplňovat mezery různými dohady, šířit pověsti a domněnky, které pak už nikdo nedementuje a které zůstanou vězet v paměti mas. Kolik úchvatných, nerozvázných, domýšlivých a klamných úsudků zamořuje denně mozky posluchačů a zůstává v nich. Tisk má moc padělat veřejné mínění, stejně jako je kazit. Jednou nasazuje teroristům hrozostratovské věnce, jindy odhaluje i obranná tajemství svého státu a zase nestoudně vniká do soukromí slavných lidí pod heslem: „Každý má právo vědět.“ Lživé heslo lživého století, protože daleko výš stojí jiné, dnes ztracené právo: právo člověka nevědět, nezaneřadit svou Bohem stvořenou duši pomluvami, žvásty, hloupostmi. Lidé, kteří opravdu pracují a žijí naplněný život, nemají vůbec zapotřebí této mnohomluvné záplavy ohlupujících informací.

Právě v tisku nejvíce vyniká ten spěch a ta povrchnost, jež jsou duchovní nemocí 20. století. Jít k jádru problému je mu zakázáno, není v jeho povaze, která si vybírá jen sensační formulky.

A přitom tisk se stal nejvýznamnější silou západních států, jeho moc převyšuje orgány výkonné, zákonodárné i soudní. A hledíme: Podle jakého zákona byl zvolen novinář, komu zodpovídá za to, co dělá? Na komunistickém východě je novinář otevřeně jmenován jako kterýkoliv úředník, ale od jakých voličů přejímá západní novinář svou výjimečnou posici? Na jak dlouho ji zastává a jaká moc je mu svěřena?

Nakonec: Ještě jeden nečekaný rys pro člověka, který přijde z totalitního východu, kde je tisk přísně unifikační: Vezme-li se západní tisk v celku, lze i zde pozorovat, že jeho sympatie míří na jednu stranu, tam, kde právě vítr vane, že jeho soudy se drží v mezích, jež většinou uznávají, snad i jisté stavovské zájmy – a výsledkem toho všeho není konkurence, ale jistá unifikace. Bezmezná svoboda, to platí jen pro tisk sám, – ne pro čtenáře: určitému názoru se dostane jakýsi důraz a jakýsi ohlas, jen když příliš neodporuje vlastním idejím listu a této celkové tendenci tisku.

Způsob myšlení

Západ, který nemá cenzuru, přece jen provádí pečlivý výběr a odděluje myšlenky, které jsou v módě a které nejsou. A i když ty druhé nikdo nezakáže, nemohou se opravdu vyjádřit ani v periodickém tisku, ani v knihách, ani v universitním vyučování. Duch vašich badatelů je jistě právně svobodný, je však ze všech stran pod tlakem módy. I když tu není – jako na východě – otevřené násilí, přece tento výběr, prováděný módou, tato potřeba vše přizpůsobovat standardním vzorům, zabraňuje těm nejpůvodnějším myslitelům, aby přispěly veřejnému životu a vyvolává nebezpečný stádní duch, který brání každému vývoji, který by stál za řeč. Za tu dobu, co jsem v Americe, jsem dostal řadu dopisů od pozoruhodných a vzdělaných lidí, třeba profesorů různých „colleges“ na venkově, kteří ale mohli mnoho udělat pro omlazení a záchranu své země, které však Amerika nemůže slyšet, protože se média odmítají o ně zajímat. Tak se v masách zakořeňují předsudky, tak na určitou zemi přichází slepota, nemoc velmi nebezpečná v našem dynamickém století.

Vezměte např. ilusi zdejších lidí, že rozumějí dnešní světové situaci. Tato ilude obaluje hlavy tak tvrdou skořápkou, že jí nepronikne žádný hlas, který k nám přichází ze 17 zemí východní Evropy a Asie, doku je nevyhnutelná palice událostí nerozbije na kusy.

Vyjmenoval jsem tu několik rysů života na Západě, které přichozím bijí do očí. Rozsah a účel této přednášky mi nedovolují ukázat dále – ač bych chtěl – jak se tyto zvláštnosti západní svata (jeho společnosti) odrážejí na tak důležitých stránkách života, jako jsou základní školství, vysokoškolské vyučování, literatura, humanitní vědy a konečně umění.

Socialismus

Všichni nebo skoro všichni uznávají, že Západ ukazuje celému světu tvář výhodného hospodářského rozvoje, i když v poslední době trochu rušenou chaotickou inflací. Ale mnozí, kteří na Západě žijí, jsou se svou společností nespokojeni, pohrdají jí, nebo jí vytýkají, že už neodpovídá té úrovni společnosti, které lidstvo dosáhlo. A to mnohé z nich vede k nebezpečnému a falešnému proudu socialismu.

Nikdo z přítomných mne nebude, doufám, podezírat, že jsem se pustil do této zaujaté kritiky západního systému proto, abych na jeho místě vyzvedl myšlenku socialismu. Protože mám za sebou zkušenost ze země uskutečněného socialismu, rozhodně nebudu nikdy navrhnout socialistickou alternativu. Že socialismus vůbec a všechny jeho odstíny nakonec vedou k obecnému zničení duchovní podstaty člověka a ke srovnání všech rozdílů v lidstvu smrtí, ukázal akademik Šafarevič v hlubokých historických analýsách své výtečné knihy „Fenomén socialismu“. Kniha vyšla ve Francii téměř před dvěma léty a až dosud ji nedokázal nikdo nic namítnout. Brzy vyjde i v Americe.

Nejste vzorem

Kdyby se mě naopak někdo zeptal, zda bych navrhoval dnešní Západ, tak jak je, za vzor pro svou zemi, musel bych upřímně odpovědět: NE. Nemohu doporučit vaši společnost jako ideál pro svou naši. Při bohatství duchovního rozvoje, které naše země utrpením v tomto století získala, není západní systém v současném stavu duchovního vyčerpání nijak přitažlivý. Pouhý výčet zvláštností vaší existence, jak jsem ho tu provedl, naplňuje člověka nejhlubším zármutkem. Je nepochopitelnou skutečností, že na Západě se charakter člověka oslabil, kdežto na Východě upevnil. Náš národ za šest a národy východní Evropy za tři desetiletí prošly duchovní školou, která nechává za sebou zkušenost. Složitý, smrtelný a drtivý život tam vykoval charaktery silnější, hlubší a zajímavější než západní život s řízeným blahobytem. Z toho důvodu by proměna naší společnosti ve vaši znamenala v některých bodech vzestup, ale v jiných – důležitějších – úpadek. Společnost jistě nemůže trvale žít na dně propasti bez zákonů, jako je tomu u nás, ale bylo by pro ni výsměchem, kdyby měla zůstat na spořádaném povrchu bezduchého právníctví jako to děláte vy. Lidská duše, sklíčená desetiletími násilí, touží po něčem vyšším, vřelejším a čistším, než je to, co dnes může nabídnout masová existence na Západě, která se jako navštívenkou ohlašuje odporným tlakem reklamy, hrubostí televize a nesnesitelnou hudbou.

A tohle všechno vidí řada pozorovatelů, přicházejících ze všech možných světů naší planety. Západní způsob života má stále menší šanci stát se vládnoucím způsobem života.

Dějiny posílají ohroženým nebo hynoucím společnostem symptomatické varování: např. úpadek umění nebo vymizení velkých státníků. Někdy jsou to varování hmatatelná, přímá: srdce vaší demokracie a vaší civilizace zůstalo pár hodin bez elektrického proudu a už se vyrojily davy amerických občanů. Kteří loupili a znásilňovali. Tak tenká a křehká je vaše společenská struktura a také jí chybí vnitřní zdraví.

Bitva o naši planetu nepříjde zítra či jednoho dne. Už začala – fyzicky, duchovně i kosmicky. Nesmírné zlo je už na pochodu, a dává pocítit tlak svého rozhodujícího útoku a na vašich

obrazovkách a na stránkách publikací jsou objednány úsměvy a sklenice zvednuté k přípitku. Nad čím ten jásot?

Krátkozrakost

Nejčelnější z vašich státníků – jako George Kennan – tvrdí, že jak vstoupíme do oblasti velké politiky, nemůžeme než vyloučit mravní faktory.

Ano, právě toto matení dobra a zla, práva a bezpráví, nejlépe připravuje půdu pro absolutní vítězství absolutního zla ve světě. Počínaje jistou úrovní problému, kde myslí právnický, zkamení: nedokáže vidět rozměr a smysl událostí.

Přes veškeré množství informací – nebo do jisté míry proto – se západní svět špatně orientuje v současné společnosti. Tak tomu bylo s předpověďmi některých amerických odborníků, kteří čekali, že se Angola stane sovětským Vietnamem, nebo tvrdili, že nejlepším způsobem, jak zmírnit nestoudnost kubánských expedic v Africe, je předcházet si tento stát. Sem patřilo, když Kennan radil své vlastní zemi, že by měla přistoupit k jednostrannému odzbrojení. Kdybyste věděli, jak se ti nejmladší poradci na Starém náměstí v Moskvě smějí vašim politickým mudrcům! A Fidel Castro otevřeně považuje USA za zanedbatelnou veličinu, když si jako bezprostřední soused troufá vysílat svá vojska do vzdálených dobrodružství.

Ale k nekrutějšímu omylu došlo v souvislosti s nepochopením vietnamské války. Jedni si upřímně přáli co nejrychlejší ukončení války vůbec, druzí si vzali do hlavy, že je třeba dát průchod národnímu či komunistickému sebeurčení Vietnamu (resp. Kambodži), jak se dnes s neobvyklou jasností ukazuje. A výsledkem je, že členové amerického pacifického hnutí pomohli vydat národy Dálného východu genocidě, že se stali spoluviníky utrpení, které dnes sužuje 30 milionů lidí. Ale slyší teď ti zásadoví pacifisté jejich náрек? Uvědomují si svou odpovědnost? Anebo neslyší? Americké inteligenci povolily nervy. Výsledek: hrozba se velice přiblížila Spojeným státům samotným. Ale nikdo si to neuvědomuje. Řeklo by se: tento tak krátkozraký politik, který tak nahonem podepsal vietnamskou kapitulaci, získal pro Ameriku oddechový čas, aby se mohla vzpamatovat. Jenže teď už vám před očima vyrůstá stonásobný Vietnam. Ten malý Vietnam byl pro vás varováním, příležitostí mobilizovat svou statečnost. Ale když všemocná Amerika utrpěla porážku od malého komunistického polostátu, s jakou resistencí může Západ počítat v budoucnu?

Měl jsem už příležitost říci, že západní demokracie nevyhrála ve 20. století samostatně žádnou válku! Pokaždé se nechala bránit nějakým mocným kontinentálním spojencem – a přece nenašla chybu ve svém pojetí světa. Tak za 2. světové války proti Hitlerovi, místo, aby zvítězila vlastními silami, které by jistě na to stačily, pomohla na nohy nepříteli daleko horšímu a mnohem mocnějšímu, neboť Hitler by nikdy neměl takové a tolik lidí, nečekaných myšlenek a přívrženců (páté kolony) v západním světě, jako Sovětský svaz. A dnes už se na Západě ozývají jiné hlasy: Nemohli bychom se v případě nového světového konfliktu bránit proti síle cizí silou, nemohli bychom si udělat z Číny zeď? Nikomu na světě bych takové řešení nepřál. Nemluvě o tom, že by to bylo nové, osudné společenství se zlem, Amerika by z něj měla pouze odklad, protože až by se pak miliardová Čína, vyzbrojená americkými zbraněmi obrátila proti ní, poznala by Amerika na vlastní kůži genocidu, jakou dnes poznává Kambodža.

Ztráta síly vůle

Ale žádné sebevětší zbrojení Západu nepomůže, dokud nepřekoná sám svou ztrátu vůle. Pro duchovně oslabeného kapitulanta se výzbroj sama stává příteží. Kdo se chce bránit, musí být připraven zemřít. A to je vzácná vlastnost ve společnosti, vychované v kultu pozemského blahobytu. A tak zbývají jen ústupky, odklady a zrada.

V osudném Bělehradě opustili svobodní západní demokraté posice, za které porobení členové prohelsinských skupin dávají v této chvíli život.

Západní myšlení je dnes konservativní. Kéž by jen svět zůstal tak, jak je, kéž by se jen nic nezměnilo! Paralyzující snění o státu quo je známkou společnosti, která dospěla na konec svého vývoje. Ale člověk by musel být slepý, aby neviděl, že moře přestalo patřit Západu a že objem pevniny, která jej poslouchá se stále zužuje. Ty dvě války, kterým se říká světové, ač jim do toho ještě mnoho chybělo, spočívaly v tom, že se malý Západ, země pokroku, sám v sobě zničil a tak si vlastní rukou připravil svůj konec. Příští válka, nemyslím, že by musela být atomová, může definitivně pohřbit západní civilizaci.

Tváří v tvář tomuto nebezpečí, s tolika historickými hodnotami za sebou, s takovou úrovní svobody a zdánlivé oddanosti této svobodě, je vůbec možné takhle ztrácet vůli k obraně?

Humanismus a jeho důsledky

Jak vůbec došlo k současné, tak nevýhodné konfrontaci? Jak mohl západní svět po svém vítězném pochodu upadnout do stavu takové bezmocnosti? Došlo v jeho vývoji ke zhoubným obrátům? Ztratil někdo cestu? Patrně ne. Západ jen stále pokračoval na cestě společenského vývoje, který si předsevzal, ruku v ruce se skvělým pokrokem techniky. A náhle se ocitl v současném stavu slabosti.

Nezbývá tedy, než hledat cestu u samého kořene, v samých základech novověkého myšlení. Myslím tím převládající západní pojetí světa, vzniklé v renesanci a politicky utvářené v osvícenství, základ všech věd o státu a společnosti. Můžeme jej nazvat „racionalistický humanismus“ nebo „humanistická autonomie“. Je to směr, který prohlašuje a uskutečňuje autonomii člověka vůči silám, které jsou nad ním. Můžeme také mluvit o „antropocentrismu“, myšlence, že člověk je středem všeho, co existuje.

Renesanční obrat byl sám o sobě možná nevyhnutelný: někteří mysli, že středověk vyčerpal své možnosti a despotické potlačení tělesné přirozenosti člověka ve prospěch přirozenosti duchovní prý bylo už nesnesitelné. Ale tu jsme přeskočili od ducha k hmotě rázem, neúměrně, bez míry. Humanistické vědomí se prohlásilo našim vůdcem, popřelo existenci zla v lidském nitru a za nejvyšší cíl vytklo nabývání pozemského štěstí, takže vložilo do základů novodobé západní civilizace nebezpečný sklon klanět se člověku a jeho hmotným potřebám.

Všechny ostatní stránky, kromě tělesného blaha, a hromadění hmotných statků, všechny ostatní vlastnosti, všechny ostatní, vybranější vyšší potřeby člověka byly v konstrukcích státních a společenských systémů zanedbány, jako kdyby člověk neměl vyšší cíle pro svůj život. A tak byly vydány na pospas větrům, které dnes vanou svobodně. Obnažená svoboda sama rozhodně nemůže vyřešit všechny problémy lidské existence, naopak nese s sebou řadu dalších.

Ale přesto přiznávaly všechny první demokracie, včetně začínající americké, všechna práva lidské osobě jen jako dílu Božímu: jinými slovy: svoboda byla člověku svěřena jen pod podmínkou a za předpokladu trvalé náboženské odpovědnosti. To bylo dědictví předchozího tisíciletí. Ještě před dvěma sty lety a v Americe ještě před padesáti, se zdálo nemožné přiznat člověku svobodu bez hranic jen tak, pro ukojení jeho vášní. Od té doby se však tato svoboda ve všech západních zemích nahlodala, člověk se definitivně zbavil dědictví křesťanských století s jejich nesmírnými zásobami soucitnosti a obětí, a státní systémy pozvolna nabývaly stále dokonalejšího materialismu. A tak nakonec Západ s úspěchem a víc než dostatečně obhájil práva člověka, ale v člověku zakrnělo vědomí jeho odpovědnosti před Bohem a před společností. V posledních desetiletích byl už tento právník egoismus mylných filosofii hotovou věcí, která přivedla svět do těžké duchovní krise a do politické slepé uličky.

A všechny úspěchy vynášeného pokroku na zemi i v kosmu nemohou vyvážit mravní bídu, do níž 20. století upadlo, a kterou by si 19. století ještě nedovedlo představit.

Neočekávaná spřízněnost

Jak se humanismus vyvíjel k materialismu, stával se stále víc a víc terčem socialistických a později komunistických spekulací, takže už r. 1844 mohl Marx napsat, že „komunismus je naturalizovaný humanismus“.

A toto tvrzení není beze smyslu. V základech vyšeptalého humanismu a v základech socialismu lze najít společné kameny. Bezmezný materialismus, svoboda vůči náboženství a náboženské odpovědnosti (sahající v komunismu až k protináboženské diktatuře), soustředění pozornosti na konstrukci společnosti a vědecký nátěr celé věci (osvícenství a marxismus). Není náhodou, že se všechna komunistická hesla točí kolem Člověka s velkým písmenem. Je to něco velmi obludného, když pozorujeme společné rysy myšlení a způsobu života u dnešního Západu a u dnešního Východu! Ale taková je logika materialistického vývoje.

Tato příbuznost je navíc řízena následujícím zákonem: silnější, přitažlivější a vítěznější je vždy ten proud materialismu, který vede víc do leva a je tedy důslednější. A humanismus, který úplně ztratil své křesťanské dědictví, nemůže v této soutěži obstát. Tak byl v posledních stoletích a zvláště desetiletích, kdy se tento proces vyostřil, politický liberalismus neodolatelně vytlačen radikalismem, radikalismus musel ustoupit socialismu a socialismus neobstál před komunismem. Že se komunistický řád mohl udržet a na Východě tak upevnit je dáno tím, že byl horlivě podporován skutečnými masami západní inteligence, která cítila svou příbuznost s ním. Tato inteligence přehlížela jeho zločiny, a když nebylo možno přehlížet, snažila se je ospravedlnit. Stejně je tomu i dnes. U nás na Východě se komunistická ideologie rozpadla, neznamena nic a méně než nic, jen pro západní inteligenci si stále ještě uchovává jistou přitažlivost, jen ona má pro něj ještě sympatie. Právě proto je úloha Západu tak obtížná – obstát vůči Východu.

Na prahu obratu

Nechci uvažovat o možnosti světové vojenské katastrofy, a o změnách, které by vnesla do naší společnosti. Pokud se denně probouzíme v míru, musíme vést svůj každodenní život. Ale jedna katastrofa již začala. Katastrofa beznáboženského vědomí.

Toto vědomí učinilo člověka mírou všech věcí na zemi, člověka nedokonalého, vždycky stíhaného pýchou, chtivostí, závistí, marnivostí a ještě deseti jinými chybami. A tu se dnes tyto nedostatky, podceněné na začátku cesty na něm mstí. Cesta, kterou jsme od renesance prošli, obohatila naši zkušenost, ale zároveň jsme ztratili celek, to nejvyšší, co dřív kladlo hranice našim vášním a naší nezodpovědnosti. Vkládali jsme příliš velké naděje do politicko-sociálních proměn a teď se ukazuje, že nám berou to, co máme nejcennějšího: náš vnitřní život. Na Východě po něm šlape strana, na Západě obchod. Sama skutečnost rozbitého světa není tak děsivá jako to, že hlavní části tohoto světa jsou napadeny podobnou chorobou.

Kdyby byl člověk zrozen jen pro štěstí, jak prohlašuje humanismus, nebyl by zrozen také pro smrt. Ale protože je tělesně odsouzen k smrti, je jeho úkol na této zemi tím duchovnějším – ne hltavá každodennost, ne vyhledávání nejlepších způsobů získávání a pak zase veselého utrácení hmotných statků, ale naplňování těžkého a trvalého úkolu, aby se celá naše životní cesta stávala zkušeností především duchovního vzestupu, abychom opouštěli tento svět jako stvoření vyšší, než jak jsme do něj vstoupili. Musíme tedy revidovat běžnou stupnici hodnot a žasnout, kolik je v ní omylů.

Úsudek o činnosti presidenta nemůže přece stát jen na tom, jaký mám plat a zda je benzin k dostání v libovolném množství. Jen výchovou sama sebe k svobodnému a radostnému sebeomezování se může člověk povznést nad hmotný tok života. Ale lpět dnes na osvícenských formulích je pravé zpátečnictví. Tato sociální dogmatika nás ochromuje a paralyzuje v těžkých zkouškách doby.

Nezahyneme-li v nějaké válečné katastrofě, náš život nebude rozhodně moci zůstat tím, čím je dnes, protože tak by zahynul sám od sebe. Nebudeme se moci vyhnout revisi základních

výměrů lidského života a společnosti. Stojí člověk opravdu nade vším? Opravdu nad námi není svrchovaný Duch? Má se život člověka a jednání společnosti opravdu vymezovat v pojmech materiální expanse? Můžeme připustit, aby tato expanse pokračovala na úkor celku našeho vnitřního života?

Svět dnes stojí na prahu ne-li svého zániku, tedy dějinného obratu, který si svým významem nežadá s obratem od středověku k renesanci. Tento obrat bude od nás vyžadovat duchovní plamen, vzestup k nové výšině pohledem k novému způsobu života, který by snad neztrácoval naši tělesnou přirozenost jako středověk, ale rozhodně nepošlapával naši přirozenost duchovní jako moderní doba.

Tento vzestup by se dal srovnat s přechodem na novou antropologickou úroveň.

Nikomu nezbyvá na této Zemi, než stoupat stále výš.

